

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не принято писать предисловие журналисту, помогавшему авторам книги, проще говоря, литзаписчику. Но в данном случае мы нарушим традицию, тем более что пока рождалась рукопись, вместившая в себя истории жизни трех знаменитых чемпионов, традиции нарушались неоднократно.

Прежде всего сами авторы, они же и герои книги, максимально запутали любителей фигурного катания своими биографиями. Вопреки устоявшимся правилам Наталья Бестемьянова не вышла замуж за своего партнера Андрея Букина, а выбрала спутником жизни Игоря Бобрин.

Наверное, я был первым, кто рассказал о новой танцевальной паре Бестемьянова — Букин, созданной провидческим талантом великого тренера Татьяны Анатольевны Тарасовой. Нетрудно догадаться, что все это время жизнь Наташи и Андрея проходила, как говорится, у меня на глазах. С Игорем мы близко познакомились в начале восьмидесятых, когда был создан первый в стране профессиональный театр из звезд фигурного катания (невероятный прорыв!), которых тогда ханжески называли любителями. Так что никаких секретов у авторов от литзаписчика не имелось.

Обычно подобного рода биографии пишутся довольно быстро. Мы же записали первую кассету 20 мая 1986 года. Отчего такая точность? В тот солнечный московский день мы с Наташей вернулись к ней домой с похорон Людмилы Пахомовой. Вот почему эта дата запомнилась навсегда.

По многим причинам уже готовая к концу восьмидесятых к изданию книга так и не вышла. По инициативе Наташи мы вернулись к ней через десять с лишним лет. А за эти годы в биографии авторов многое изменилось. Игорь Бобрин, знаменитый Ковбой, уже отпраздновал пятидесятилетие, затем вместе с участниками и создателями знаменитого телешоу «Звездный лед», главным хореографом которого он был, — и пятидесятипятое.

Игорь сам создал свой ледовый театр, набрал труппу и поставил около двух десятков балетов. В 2006 году Театр ледовых миниатюр справил свой двадцатилетний юбилей!

Бобрин за эти годы стал еще и успешным хореографом у элиты фигурного катания. Наташа Бестемьянова — не только солистка Театра ледовых миниатюр, она взвалила на себя всю его огромную организационную составляющую, оставив мужу свободу для творчества. Мне трудно такое

представить, но в 2009-м Наташа отпраздновала свой первый юбилей.

Большие изменения произошли и в жизни Андрея. Его маленький, когда писалась первая часть книги, сын Андрюшка — уже взрослый человек, а у Андрея-старшего растет второй сын — Ваня.

Букин сперва отказался работать над продолжением книги, хотя все время находился рядом. Помыкавшись год чиновником Спорткомитета, он вернулся на лед к своей партнерше. Все эти годы он как был, так и остается ближайшим другом Бобриня.

Если в своих высказываниях по одному и тому же поводу Наташа и Андрей в первой части книги порой не совпадали, то Игорь и Наташа во второй части, рассказывая о чем-то, почти всегда в оценках оказывались единодушны. В конце концов, Андрей присоединился к своим друзьям по жизни и коллегам по театру. Но Букин не остался бы Букиным, если бы по-прежнему на любой предмет не имел бы свой взгляд.

Могу только заметить, что человеческие и профессиональные отношения между героями книги таковы, что ее название полностью себя оправдывает. Каждый из них не только великолепный спортсмен, но и верный товарищ, добрый и порядочный человек. Сочетание таких качеств у обычных людей встречается нечасто, у чемпионов — крайне редко.

Все стихи, помещенные в этой книге, принадлежат перу Бобриня. Точнее, раннего Бобриня. Вот и все, что я хотел сказать, остальное вы узнаете, листая страницы дальше.

Постскриптум

В перечне благодарностей в конце книги Наташа, Игорь и Андрей пишут и про меня. Говорят, что подготовить новое издание их книги было не легче, чем дважды войти в одну реку. Но я побил рекорд: это издание — третий заход в ту же реку с бурным течением их жизнью.

Что изменилось за прошедшие девять лет? Конечно, увеличилось число новых постановок, отпразднованы новые юбилеи, в том числе и 70-летие Татьяны Тарасовой. И стихи в последней части книги — это уже совсем зрелый Бобрин. Что не изменилось, так это те человеческие качества, о которых я писал раньше. Счастье, когда у тебя такие друзья.

*Виталий Мелик-Карамов
Июль 2017 года*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НАТАША И АНДРЕЙ

НАТАША, ПОКА БЕЗ АНДРЕЯ

Меня записали на фигурное катание из-за слабой ноги. В четыре года мне вырезали опухоль из-под колена. Врачи предупредили родителей, что если мне не сделать операцию в детстве, я, когда вырасту, ходить буду плохо. Как бы я потом ходила — неизвестно, но из больницы я вышла хромой. После операции полагалось двигаться, но я так себя берегла, что все время лежала. Кончилось тем, что папа носил меня на руках — сама я уже не ходила. Мама пришла в ужас: ушел ребенок на неделю в больницу, ушел своими ногами, а вернулся — ходить не может.

История с операцией происходила летом, к осени я все же начала ходить, а в декабре мама отвела меня на фигурное катание. Ей порекомендовали, чтобы ребенок занимался спортом на свежем воздухе. На выбор вида спорта, возможно, повлияло то, как я смотрела по телевизору выступления фигуристов. Я обмирала — так мне нравилось. Сама же я каталась на двухполосных коньках, привязанных к валенкам, на пяточке, который папа расчищал от снега в нашем дворе.

Мы жили в Теплом Стане — районе на окраине Москвы, тогда еще совершенно пустынном. Наш двор образовывали всего три двухэтажных каменных дома, принадлежавших Министерству морского флота. Рядом находилась радиостанция, где мама работала радисткой Севморпути, принимала сообщения с зимовок и полярных станций, правда, это было еще до рождения моего и брата.

Папа родился и вырос в Сибири, в небольшой деревушке под Барнаулом. В 1943 году, достигнув призывного возраста, он ушел на войну и воевал до самой Победы. Имеет медаль «За взятие Кенигсберга», орден Красной Звезды, орден Отечественной войны и медаль «За боевые заслуги». Он всю жизнь проработал в системе профтехобразования. Сначала преподавал в ПТУ, потом стал его директором, в конце концов занял должность начальника Управления подготовки рабочих кадров на производстве, а в 2008 году издал книгу мемуаров «И перед ликом суровой эпохи...».

В нашей семье две совы и два жаворонка. Совы — мама и брат, а мы с папой — жаворонки. Я всегда провожала его на работу рано утром, а позже он готовил мне завтрак перед ранними тренировками. Кстати, первый спортивный опыт я приобрела, занимаясь с папой. По утрам мы бегали на озеро в нашем лесу, а потом выбирались на длительные велосипедные прогулки. Тогда уже брали с собой и брата.

И здесь я хочу сказать, какая дружная у нас была семья, как мы любили друг друга. Однажды мы с мамой, как всегда, сидели у окна и ждали папу с работы. Мы всегда с точностью до минуты знали, когда он должен прийти. И вот, когда папа появился из-за поворота, я закричала на всю квартиру: «Мама, мама! Наш принц идет!» И я счастлива, что мой принц до сих пор с нами...

Накануне моего пятилетия — я родилась шестого января — папа и мама купили мне коньки и ботинки и повезли в Лужники, в оздоровительную секцию. Опробовать коньки на домашнем катке не дали, видимо решили, что я сразу встану и поеду. Мы, как там выяснилось, опоздали, все дети уже катались, к тому же они были старше меня — шестилетки.

Тренер сказал: «Пусть девочка покажет что умеет». Я гордо вышла, ничуть не сомневаясь, что закружусь сейчас, как мой кумир, тогдашняя чемпионка мира Людмила Белоусова, и... даже не упала — рухнула. Еще лежа, я заявила, что заниматься здесь не желаю. Тренер отвел мне месяц испытательного срока: если догоню ребят — оставят, нет — придется записываться осенью. Моя спортивная карьера увядала, не успев расцвести. Но мама, похоже, поставила перед собой цель, чтобы я не только не хромала, но и стала фигуристкой. Кто-то ей посоветовал: чтобы научиться хорошо стоять на коньках, я должна ходить на них по резине. От этих упражнений болели ноги и кататься уже совершенно не хотелось. «Мама, я все буду кушать, только сними с меня эти ботинки». Несмотря на мои мольбы и то, что, конечно, родители меня очень жалели, папа по-прежнему заливал и чистил домашний каток, а мама заставляла заниматься. За месяц она научила меня делать «елочку», «пистолетик», «цаплю» и «ласточку». Сама все это продемонстрировать она не могла, но внимательно следила, как учат других детей. Так что азам меня выучила мама, но и я оказалась не без способностей, быстро все схватывала.

Через месяц в Лужниках меня поставили в середину группы, прошел еще месяц — я уже стояла первой. Мне так понравилось (и с тех пор всегда нравилось) считаться лучшей, что в своей группе я соперников уже не имела. Через три года — мне уже шел восьмой год — Антонина Ивановна Карцева, тренер не оздоровительной, а настоящей спортивной секции, взяла к себе двух девочек — мою подругу Люду Кружалину и меня. Я так старалась, что меня невозможно было не отметить. Группа Антонины Ивановны называлась

«Школа высшего спортивного мастерства». Как я гордилась этим названием!

Казалось, все счастливы, и прежде всего мама, но у меня нашли искривление позвоночника, и врачи запретили мне заниматься фигурным катанием. Впрочем, и езда в Лужники из Теплого Стана подорвала наш энтузиазм, было очень тяжело. Каждый день после школы я сперва делала уроки, а потом в четыре часа мы отправлялись на тренировку. Выгнать меня со льда никому не удавалось, я кружилась на нем до девяти. В десять мы доезжали с мамой на метро до «Университета» (станции «Юго-Западная» тогда еще не было), оттуда на одном автобусе, потом, с пересадкой, на другом добирались домой. Время подходило к полуночи. А утром в школу, которая тоже не рядом с домом — до нее ехать больше получаса. Когда же нас пускали на искусственный лед, а это было ближе к ночи, то возникала проблема: как домой добираться? На такси? Но где взять денег, чтобы разъезжать на такси? Впрочем, такой выход из положения в семье даже не обсуждался. Больше всего я не любила дорогу домой, я засыпала стоя, держась за маму, а она меня вела, сажала, поднимала...

Но когда выяснилось, что на каток мы больше не поедem, я плакала и бастовала.

Неделю в Лужники не ездили, потом друг на друга посмотрели: поедem? И поехали.

Мама после родов долго болела, получила инвалидность, она нигде не работала и, сопровождая меня на тренировки, могла хотя бы побеседовать с другими мамашами. Человеком мама была общительным, но жила только нами, только семьей — это всегда нелегко.

Мой старший брат Петя занимался плаванием там же, в Лужниках, меня еще и к нему в секцию воткнули, так что все мои детские годы прошли на Центральном стадионе имени Ленина. Кстати, к плаванию я оказалась совершенно неспособна. Меня много учили, но все, что я освоила, — держаться на воде и не тонуть. И по сей день я лучше плавать не стала и не люблю ходить в бассейн, не получаю от воды удовольствия. А брат еще долго ходил на тренировки, но в один прекрасный день сказал: «Мам, мне велели больше в бассейн не приходить». — «Почему?» — «Там надо первым приплывать, а я и последним успею». У нас с братом разница в два с половиной года. Мы с ним внешне похожи, почти на все жизненные проблемы у нас одинаковый взгляд, но действуем мы с ним совершенно разными методами, Петя

обстоятельный человек, если он собирается в чем-то оказаться первым, то ему в отличие от меня совсем не обязательно для этого торопиться...

Попав к Антонине Ивановне, я стала членом общества «Локомотив». Теперь на искусственном льду я занималась регулярно, но в Сокольниках, на другом конце города, а тренировки на естественной площадке проходили в Черкизово, еще дальше, что, возможно, и хорошо для испытания характера. Дворец в Сокольниках был большой, но очень холодный.

Почему я не пыталась попасть в ЦСКА? Дело в том, что у меня уже тогда был комплекс: я имела, выражаясь профессионально, «минус старт», то есть на тренировке каталась лучше, чем на соревнованиях. К тому же я не сомневалась, что у меня «сухие», негибкие ноги, так как при приземлении после прыжка часто падала. Такое чаще всего происходит от плохой выучки, но я почему-то была уверена в своем физическом несовершенстве. «Да, — говорили, — девочка хорошая, но...» Я считалась способной фигуристкой, но на соревнованиях действительно все время падала. Не то что вообще не поднималась со льда, но сосредоточиться на важности события не получалось. Но несмотря ни на что, я считалась у Антонины Ивановны лучшей.

В то время фигурное катание еще не достигло своего пика, когда чуть ли не все родители бросились записывать своих детей в секцию. К ЦСКА, например, в дни приема даже близко подойти было невозможно. Рядом с Антониной Ивановной занималась со своими учениками Елена Владимировна Васильева, одна из старейших тренеров фигурного катания в стране. У нее тренировались знаменитые Шарапова с Евдокимовым, члены сборной, корифеи. Одно время я каталась в старых ботинках Шараповой, не помню, как они ко мне попали. Мне казалось, что я сразу даже прыгать в них начала, как только надела. Кстати, несколько лет у нас в Театре ледовых миниатюр работал их сын Артем, он не только отличный фигурист, но и прекрасный акробат.

Тогда же начали организовывать спецгруппы. В женском одиночном катании ведущей оказалась не школа ЦСКА, — это произошло позже — а группа девочек, с которыми занимался Эдуард Георгиевич Плинер. Чтобы попасть к Плинеру, нужно было сдать настоящий экзамен. Меня в эту группу не приняли, хотя я стала кандидатом в мастера спорта уже в пятнадцать лет. К Эдуарду Георгиевичу я попала

только через год, уже выступив на взрослом первенстве страны.

В те годы из-за недостатка льда мы занимались и с танцорами, и с парниками в одно время. Андрюша Букин с Ольгой Абанкиной считались в «Локомотиве» первыми в танцах среди юниоров, я — в одиночном катании. Правда, они и на юниорском чемпионате страны заняли первое место, а я четырнадцатое. Ах как мне хотелось хоть раз оказаться на первом месте, но в юности я не побеждала. На своем первом взрослом чемпионате я стала предпоследней, а последнее место заняла Оля Воложанская. Лишь раз, когда уже занималась у Плинера, я победила на юниорском Кубке, но тогда не выступала Лена Водорезова.

Занимаясь у Антонины Ивановны и любя ее, я все же мечтала попасть в группу Плинера. Я считала, что чемпионкой меня может сделать только он. Он знает, думала я, то, чего другие не знают; он — тот тренер, который научит меня прыгать так, как прыгает его ученица Людья Баконина, чемпионка СССР.

Антонина Ивановна не подпускала учеников к себе близко. Она не относилась к тем тренерам, у которых можно дома чаю выпить. Она скорее школьный учитель. Ведь обычно учителя вне школы — загадка для учеников. Я ее уважала и побаивалась. «Антонина Ивановна идет!» — и душа тут же начинала трепетать. У меня остались добрые воспоминания о годах занятий с ней, понимавшей, что я должна пойти дальше, и поэтому не привязывавшей ни меня к себе, ни себя ко мне; ведь разрубать такие узлы потом очень больно. Антонина Ивановна работала безупречно, но без больших заслуг в спорте, она жила другим. Вышла замуж, родила и год не ходила на работу. Вот когда меня помотало: то пустят на лед, то не пустят, то кто-то потренирует, то никто не посмотрит в мою сторону. Со мной тогда возилась хореограф Галина Евгеньевна Кениг.

С Олей Абанкиной я познакомилась намного раньше, чем со своим будущим партнером Андреем Букиным. Оля тоже начинала как одиночница. Она выглядела всегда такой аккуратненькой: с гладко зачесанными волосами и хвостиком, стройненькая, толком не прыгала, но носочек тянула идеально, за это ее, наверное, и определили в танцы. Оля перешла в «Спартак», и какое-то время я ее не видела. А потом нам, одиночникам «Локомотива», выделили лед на лужниковском «Кристалле», и мы вновь встретились. Сейчас все живут раздельно, а раньше — коммунальная квартира: на

одном катке — «Зенит», «Спартак», «Локомотив»... Народу — тьма. Мы приходили заранее, ждали своей очереди. Одиночники, пары, танцы — все вместе. Всё обсуждается. «Вон Абанкину в пару с мальчиком поставили». И я вижу пару, где партнерша на полголовы выше партнера, а партнер — Андрюша! Потом он вымахал будь здоров, но тогда казался маленьким. Возможно, они были и одного роста, но девочка всегда выглядит выше. Мне тогда исполнилось девять, им — по двенадцать.

Позже они вместе с тренером снова оказались в «Локомотиве». Андрюше и Оле шел семнадцатый год, мне было четырнадцать. Они много ездили на юниорские соревнования, даже за границу. Пара Абанкина — Букин стала привычным сочетанием. Раз Андрюша умудрился за рубежом сломать руку, по-моему, на показательных выступлениях в ГДР, и почему-то все на него обиделись. Всю жизнь на него обижаются, а он, бедный, терпит.

Мы стали вместе ездить на сборы. Ольга, строгая и спокойная, жила всегда со своей подружкой (они до сих пор дружат) озорной Леной Бучиной. Люда Кружалина, с которой я не расставалась, заболела, на сборы не попала и потом совсем ушла из спорта. Я всюду теперь ходила с Ирой Пеликан. Очень важно, когда ты редко бываешь дома, особенно в детстве, иметь друзей в команде. Одному на сборах прожить трудно, с ребятами из команды ты видишься чаще, чем с родителями, именно друзья знают твои детские секреты, они тебя утешают, они твоя опора.

Мы все крутились вокруг Лены Бучиной. Ленка — смешная и компанейская, нас всех объединяла. Ольга заплетала мне косы, Ленка раскраивала штаны, чтобы я шила их на руках. Тогда в моду вошли расклешенные штаны, у кого они есть — тот человек. Ольге, помню, сшили желтые брюки. Она высокая, длинноногая, такая складная, они на ней классно смотрелись. Мне — красные с черными полосами, я в них сразу себя лучше чувствовать стала (мне всегда казалось, что вокруг красавицы, одна я выгляжу ужасно), а Ленка себе сшила ярко-красные. Занимались мы производством модных брюк то ли в Саратове, то ли в Первоуральске. С тех пор я пристрастилась на сборах шить. Дома строчила на машинке, но на сборах — только на руках. Последние годы в спорте я больше занималась вышиванием. Ручная работа очень успокаивает.

Андрей в нашей девчачьей компании никогда не появлялся. Потом я заметила, что они с Ольгой по льду все

время в обнимку ездят. Закончат элемент, он руки с ее бедра не снимает. Мы смотрели на них с большим восторгом, ребята только-только скатались и стали друг на друга очень похожи (позже нам с Андреем тоже говорили, что мы как брат и сестра, наверное, это общий эффект, как походка собаки напоминает походку хозяина), оба светловолосые, длинноногие, он в синих брюках, она в такой же юбочке, и оба в ярких цветастых рубашках. Они в отличие от многих всегда были со вкусом одеты и на льду выглядели очень привлекательно.

Представить Ольгу и Андрея порознь казалось невозможным. Когда мы с Андреем встали в пару, мне все время казалось, что где-то рядом с нами присутствует и Оля. Она действительно сначала приходила на наши тренировки, но я видела: спокойствие ей дается нелегко.

То, что у Андрея тогда сложилась с Ольгой крепкая семья, стало хорошей основой и наших отношений. Мы с Андреем первые годы вообще не ссорились, что никогда не удастся тем, кто не расстается и после тренировок. Позже, ближе к концу спортивной карьеры, с Андреем стало труднее: возраст, усталость. Интересно, что Игорь в своей профессиональной труппе начал кататься в паре, поэтому быстро разобрался, что значат отношения в дуэте и как трудно их сохранить. Надо иметь характер и душу, а более всего — такт: общение в паре — во многом семейное общение. Правда, семью поддерживают такие мощные опоры, как интимные отношения и, что не менее важно, общие материальные средства.

Сохранить в течение долгого времени хорошие отношения в паре совсем непросто. Бывает, что приходится выбирать между фигурным катанием и семьей. Мне, например, кажется, что Моисеевой и Миненкову пришлось уйти со льда, чтобы сохранить дом. Возможно, и то, что они потом отказывались вновь кататься (в ледовых балетах), говорит, что они не хотели испытывать судьбу.

Почему же Оля ушла из фигурного катания? Они ведь с Андреем до настоящих стрессовых ситуаций так и не добрались. Но в нашем виде спорта у человека могут на пустом месте развить кучу комплексов. Ольга постоянно слышала, что у нее нет больших перспектив, что Андрею надо подыскать другую партнершу. Представляю, как эти слухи на нее давили. Мне в похожей ситуации повезло с Татьяной Анатольевной: в тот момент, когда я потеряла надежду, что буду выступать, она так уверенно цыкнула на

меня, что деваться было некуда. Я перестала бояться зрителей и судей, прежде всего перестала бояться себя. В конце концов наступило то, во что я и поверить не могла, — я начала получать удовольствие от соревнований. Ну пусть ноги «сухие» — другим возьму! Мне кажется, что чаще всего закомплексованность тренера передается его ученикам. Ведь Ольга была стройненькой, хорошенькой, они с Андреем прекрасно подходили друг другу и катались очень слаженно. А в том, что она не идеально скользила (как бы немного подсакивала), нет ее вины — так ее научили. Возможно, ей не хватило сил в какой-то момент, чтобы отстоять себя, хотя сейчас я знаю, что в жизни Ольга очень сильный человек. Прошло много лет, я с ней куда меньше общаюсь, чем раньше, но мы по-прежнему хорошо понимаем друг друга.

Разве Торвилл и Дин не точно такая же пара, какой были молодые Абанкина и Букин? Но там не на кого было менять партнершу, у нас же «миллион» катается — меняй как хочешь, напрягаться не надо. Почему за рубежом брат и сестра вместе катаются? Потому что так финансово выгодно. Потому что лед и тренер в таком варианте стоят в два раза дешевле.

Разговоры-то шли, а партнершу Андрею никто не менял. Ольга сама не выдержала и ушла из спорта, следом за ней ушел и Андрюша. В немалой степени так получилось по вине тренера: она не могла дать им большего и искала причину в них, а не в себе.

Они не тренировались месяца три. Ольга проявила большое великодушие, отпустив Андрея обратно на лед. В ее характере нет плохих качеств — редкий случай в жизни. Ей если что не нравится, она может даже заболеть, но никому ничего плохого не сделает.

...Но я забежала далеко вперед. Пока я еще занимаюсь даже не у Плинера, не то что у Тарасовой (об этом мне ни в каких снах и не снилось).

Антонина Ивановна вернулась из декретного отпуска, и я опять стала у нее тренироваться. Став мамой, она уже не ездила на сборы и соревнования, и мне казалось, что она с большим удовольствием работала бы с маленькими детьми, приходящими два раза в неделю, чем ежедневно со мной.

Одна из причин, почему меня не брал Плинер, — я никак не могла одолеть двойной аксель и тройной сальхов (высшая категория сложности в то время). Мне мешала моя закомплексованность: когда-то сказали, что аксель у меня нетехничный, вот я над ним и билась... Постепенно во мне

стало расти убеждение, что если я не выучу эти два прыжка, надо уходить в балет на льду. Вроде катаюсь я красиво. Я училась уже в восьмом классе и считала, что пришла пора задуматься, как жить дальше.

В моей 176-й школе ко мне относились прекрасно, легко отпускали с уроков, и я так же легко нагоняла пропущенное. В конце десятого класса меня сразила любовь. Кто-то с кем-то в классе куда-то вместе ходил, дружил, встречался, но я ничего не замечала. Все десять лет школы у меня не было времени на что-то отвлечься. Хотя влюблялась я постоянно, с третьего класса, влюблялась до слез, но тут впервые я испытала ответное чувство, следовательно, считала — ко мне пришла настоящая любовь.

В тот знаменательный год я стала заниматься танцами. Свободного времени не оставалось ни минутки. Но как-то в июне после экзамена за мной от школы до дома поплелся мальчик. Я шла, старалась не оглядываться. Мальчик из параллельного класса, сын дипломата, их семья недавно вернулась из Франции. Кроме меня, все девчонки в школе по нему умирали. Я обычно выскакивала после второго урока с рюкзаком на тренировку, пулей пролетая мимо всех. Но с того дня мы стали вместе возвращаться домой. Мама была в шоке, но, как выяснилось, совершенно напрасно. Первая любовь заглохла сама собой. А ведь так красиво начиналась! Лето. Экзамены. Я готовилась к физике. Он приезжал к нашему дому на велосипеде. Время от времени мы встречались, но наши интересы оказались слишком разными. Вскоре я попала в сборную, начала ездить на чемпионаты мира и Европы, познакомилась с Игорем и ни о ком другом уже думать не могла. Мой школьный друг продолжал приходить в гости, мы беседовали, он умный парень, и мне льстило, что такой высокий, худой, блондин — и так влюблен в меня. Но жила я от встречи до встречи с Игорем.

Все кончилось ровно через год. Шестого января я пригласила к себе на день рождения в Теплый Стан Бобрин, Роднину и Зайцева. Если Игорь ходил в кумирах публики, то Саша и Ира были героями страны. Невозможно себе представить, но все они ко мне приехали. Саша и Ира — на собственной черной «Волге». Моя первая любовь оказался еще и очень деликатным мальчиком. Он почувствовал, что в такой компании ему придется нелегко, поздравил меня с порога, тут же придумал, что у него что-то случилось и ему надо срочно бежать.

Но это все еще впереди. Мне пока не полагалось встречаться с мальчиками, предстояло еще так много сделать, и прежде всего — выучить двойной аксель.

Под новый, 1976 год на льду со мной рядом оказался Боря Харитонов, — потом он выступал в Московском балете на льду, а тогда был сильный одиночник.

Тренер не пришел, и Боря встал рядом со мной. Хореограф Галина Евгеньевна приходила не каждый раз, да и могла показать только, как надо открыть руку, а не как прыгать многооборотные прыжки. Именно Боря научил меня прыгать двойной аксель. Я даже короткую программу сама себе придумала. Под музыку все получалось как бы само собой. Я так привыкла самостоятельно работать над короткой программой, что, когда Плинер мне ее придумывал и объяснял, слушала его с интересом, но испытывала большие затруднения при попадании в музыку. Легкость появлялась только тогда, когда я, обкатывая программу, начинала сама потихоньку ее изменять. Когда мы с хореографом разрабатывали постановку показательного танца «Арлекино» под модную тогда песню Аллы Пугачевой, Эдуард Георгиевич сказал: «Делай как хочешь». Конечно, он мне подсказывал какие-то связки в элементах, я сама их сложить не могла. Идея «Арлекино» принадлежала Плинеру, а благодаря этому танцу меня заметила Тарасова.

Позже и Татьяна Анатольевна оставляла мне возможность что-то придумать самой. Иначе я просто не могу.

На следующий день после того, как Харитонов научил меня двойному акселю, я овладела тройным сальховом. Я не могу даже передать, насколько чувство восхищения собственными силами переполняло меня.

Через неделю я ехала на чемпионат СССР и думала: «Теперь, Плинер, посмотрим, теперь попробуй меня не взять!» Попасть в спецгруппу — это означало еще и то, что лед дают и утром, и вечером, кататься можно сколько влезет, на каток возят на автобусе, а на сборы берут не раз в год, а постоянно. Ужасно выматывало то, что месяц тренируешься, месяц — нет.

До этого на соревнованиях я не могла сделать ни «дупля», ни тройного прыжка. Я чувствовала, как ко мне изменяется отношение. Не то что раньше: «Хорошенькая, но не прыгает». Теперь прыгает!

Была еще жива первая жена Плинера. Это она настояла, чтобы он пригласил меня к себе в группу. Жена у Плинера была человеком необыкновенно тактичным и легким. Она

одна могла гасить его необузданную вспыльчивость. Вскоре после моего прихода в их группу эта чудесная женщина умерла от неизлечимой болезни.

Я и прежде готова была много работать, а с Плинером стала фанаткой фигурного катания. Возможно, я могла бы и в одиночном катании добиться большего, но нам работалось нелегко. Эдуард Георгиевич человек жесткий, а я, когда со мной суровы, закрепощаюсь.

Попав к Плинеру в пятнадцать лет, через год я выиграла юниорский чемпионат страны, за ним — Кубок СССР, а на взрослом первенстве стала пятой — мой звездный год в одиночном катании. Казалось, я научилась соревноваться. Для спортсмена это очень важно, значит, ты научился справляться с собой. И только много лет спустя я поняла, что на самом деле умение соревноваться приходит после миллионного повторения элементов на тренировках.

На тренировках я перевыполняла норму в два-три раза. И, скорее всего, за упорство меня взяли в турне по Сибири: там же не надо соревноваться. Меня хорошо принимали, хотя я и выступала всего лишь второй, а Моисеева и Миненков, Роднина и Зайцев специально приходили пораньше, чтобы посмотреть мой номер. Но уже поднималась всю звезда Лены Водорезовой, и этот факт меня очень смущал. Когда я шла за Бакониной, то понимала, что в каких-то вещах могу быть лучше. Но Водорезова показывала тот уровень, на который мне уже было не подняться. У меня пропал интерес к соревнованиям, но я не хотела уходить от Плинера, ему в те времена приходилось тяжело, и оставлять его, казалось, — только добавить ему боли. К тому же мне так хотелось остаться в спорте, и танцы предоставили мне эту единственную возможность. После того как я ушла в танцы, год не могла слушать музыку «Арлекино» — плакала.

В турне по Сибири я выучила еще и тройной лутц, очень редкий прыжок. Я соревновалась с Игорем на раскатке, кто сделает лутц, — и прыгнула! Тогда мы поспорили, что если вечером на бис я выйду и сделаю тройной лутц, я у него выиграла. На что спорили — и не помню. Но я прыгнула этот лутц на глазах у всего зала.

Потом, в Москве, сколько ни пыталась прокрутить его перед Плинером, ни разу не смогла. Заканчивала прыжок, а выезд из него не получался — я падала. Но остальные прыжки выходили вполне прилично, и Плинер говорил: «Вот ты стала с Бобриным дружить и сразу запрыгала». В действительности толчком оказалось то, что меня взяли

и сибирское турне. Выступления проходили во всех крупных городах Сибири в самом конце сезона, перед отпуском, и на них собирались все наши сильнейшие фигуристы. Я попала в такую компанию впервые и всего лишь один раз, вскоре турне отменили. Когда поездка кончилась, я страдала неделю, но впечатлений хватило надолго.

К концу сибирского турне обычно делают «зеленые» концерты. Все тянут жребий, кто с кем выйдет выступать. Обычно в самом конце на представление участников всех строго по званиям и наградам на лед выводили Роднина и Зайцев, а мы за ними цепочкой выезжали и кланялись. А тут все перемешивалось, и получались совершенно сумасшедшие сочетания. Сейчас таких капустников нет, спорт внутри стал тяжелее и строже. Закрыли сибирские турне из-за финансовых нарушений. С водой выплеснули и ребенка. Как мы ждали поездку, какая в ней царила дружелюбная атмосфера, как в ней обкатывались программы!

В общем, тогда на жеребьевке все перетасовались, со мной в паре оказался Бобрин!

В 1976 году я почему-то пропустила показательное выступление Игоря. Петя, мой брат, мне рассказывал: «Бобрин теперь изображает ковбоя, на кривых ногах по льду ходит — так здорово!» Бобрин мне всегда казался недосыгаемым, будто живет он где-то в поднебесье. И вдруг я с ним, с Бобриным, выхожу вместе на лед. Фантастика! Арлекино вместе с Ковбоем. Мы разыграли целую сценку: он заснул на поклоне, а я его все время будила, веселила, поворачивала в разные стороны, а он падал и засыпал. Вечер выдался для меня — трудно описать. Меня просто распирало от самых разных чувств.

Я здорово выложилась в Сибири, прежде всего эмоционально, и у меня начался сильный спад. Потихоньку я восстановилась и поехала на осенние сборы в город Северодонецк, где мне предложили перейти в танцы. Но перед этим я побывала на соревнованиях в Праге. Это была уже вторая моя зарубежная поездка.

Первый раз я попала со сборной в Финляндию, где выступала с моим «Арлекино». Всех заработанных денег хватило лишь на джинсы, свитер (он дожил до первой маминой стирки) и пластинку. Но самое главное — я выходила на один лед с Пахомовой и Горшковым, у которых там были прощальные выступления. Я видела, чего им стоили тренировки. Они пару раз упали — и мне почему-то стало страшно.

По Финляндии мы ездили на автобусе. Овчинников, Бобрин, Моисеева и Миненков, Линичук и Карпоносов, Горшкова и Шеваловский — вот его пассажиры. Все веселились, и автобус буквально сотрясался. Ребята разыграли спектакль, в нем Надя Горшкова изображала жену монтера-пьяницы, а Бобрин, герой-любовник, ее совращал. Распределили только две эти роли, дальше шел экспромт. Часа три не прекращалось это бешеное зрелище, в котором, кроме меня и взрослых — Тарасовой и Чайковской, руководителя делегации, — все вышеперечисленные были заняты.

По сравнению со всеми я одевалась бедно, хотя тогда спортсмены из первой сборной не выглядели столь нарядно, как следующие поколения. Мама старалась, чтобы вещи на мне были аккуратными и чистыми, а ходила я в том, что сшила сама: брюки и кофта. Еще был свитер «лапша», модный тогда, который мне достала мама. Того, что называли «фирмой», у меня не было и быть не могло. Когда я смотрю на фотографии своего выпускного десятого класса, мне смешно. Я наряжена в такое платье, что сейчас не могу понять, как могла его надеть. По случаю достали кримплен ярко-зеленого цвета, да еще в цветах, нам с мамой показалось, что он мне должен идти, и мы заказали платье в ателье. Караул!

На каждый день я еще находила что надеть. Собственно, особенно долго искать и не приходилось: джинсы и свитер, но на выход — тут начинались проблемы, связанные к тому же и с муками по поводу внешности. А вот с той поры, как я стала регулярно выезжать за рубеж, у меня появилась возможность модно одеваться.

В двенадцать лет я в первый раз поехала на соревнования ЦС «Локомотив» в город Глазов. Мы жили в гардеробе Дворца спорта и спали на раскладушках. Ольга с Андреем тогда заняли первое место, я — третье. Мне так понравилась поездка, что, приехав в Москву, я из поезда не хотела выходить. Мне хотелось еще немножко продлить путешествие.

По дому я во время поездок совершенно не скучала, мама, наверное, расстраивалась, но мне ничего не говорила. Скучала по своему Теплому Стану я только в том случае, если сборы оказывались тяжелыми или я плохо себя чувствовала. Один раз меня взяли в Сочи, а я плохо переношу солнце, перегрелась и заболела, сразу же захотела домой, к маме. Но болела я редко, в любой обстановке чувствовала

себя хорошо, не была неженкой, и мне нравилось обедать и завтракать в столовой по талонам. Я даже любила справлять Новый год на сборах. Жизнь там проходила очень весело, хотя и дома мы жили не скучая: семья у нас дружная.

Когда меня в свою группу взял Плинер, домой я попадала только по воскресеньям. Жила в гостинице. Теперь с ужасом вспоминаю о спецгруппе, куда так стремилась. Я знаю, какие переносила перегрузки, но как я могла их выдерживать?! Мама меня хорошо понимала и старалась сделать так, чтобы я больше отдыхала. Папа же не очень вникал в мои проблемы, он не разбирался, что происходит, и маме приходилось ему все объяснять: я все время молчу оттого, что устаю за день, вечером говорить уже не могу. Плакала я ежедневно. В семь утра лед, в пять уже поднимают. На тренировку — с тренировки — в школу — из школы — снова на тренировку, и все быстрее, быстрее... На обед — бегом, с обеда — тоже бегом на тренировку. Потом меня еще Плинер по вечерам «подкатывал»: я дополнительно прыгала. Сумасшедший дом! Но я так хотела чего-то достичь, что эта безумная жизнь казалась мне нормальной. Я с ужасом думала, что когда-нибудь с катанием придется распрощаться. Интересно, что когда действительно пришла пора уходить, подобных чувств у меня не возникло, но тогда — ужасный, животный страх, как бывает у детей, которые боятся смерти больше, чем взрослые, стоящие к ней ближе. Да мне и казалось, что прощание со спортом равносильно смерти.

АНДРЕЙ, ПОКА БЕЗ НАТАШИ

Я был в семье второй и поздний ребенок, разница в годах у нас со старшим братом пятнадцать лет. Наверное, потому я рос домашним ребенком, в детский сад не ходил. Мама после моего рождения перестала работать и занималась только мною. Она и поставила меня на коньки. Мы в то время переехали на новую квартиру к метро «Аэропорт», где около Ленинградского рынка был небольшой пруд. Зимой мама приводила меня туда кататься, прикручивая к моим валенкам двухполозные коньки. Чистого льда и видно-то не было, мне же казалось, что я катаюсь, хотя на самом деле ходил в коньках по снегу.

В семь лет мама записала меня в секцию фигурного катания ЦСКА, которая находилась рядом, через дорогу. Видимо, тем самым она хотела оградить ребенка от дворовой жизни и нежелательной компании. Но вскоре выяснилось, что я болен и спорт мне необходим не только как спасение от улицы. Началось с того, что врачи обратили внимание, как я сильно потею при движении. Решили, что у меня больное сердце, к тому же нашли в нем шумы. Кстати, мой сын Андрюха, когда был маленький, приходил со двора точно такой же мокрый, как я когда-то. Маме настоятельно советовали, чтобы я занимался спортом, и лучше на свежем воздухе, а крышу над головой у фигуристов тогда имели только мастера.

В том же году, как начал заниматься спортом, я пошел и в школу. Конечно, в ЦСКА я попал не к знаменитому Жуку, а в платную группу, располагавшуюся на маленьком стадионе в Чапаевском парке около Песчаной площади. Экзамен при приеме помню смутно, запало только то, что на мне были черные трусы, белая майка и носки. В зале, под трибунами футбольного поля, мы под музыку хлопали, топали и демонстрировали гибкость. Еще полагалось подпрыгнуть, и проверяли выворотность, то есть насколько у тебя при сомкнутых пятках разводятся носки. Этот зал я запомнил хорошо, четыре года в нем проходили наши занятия хореографией (с семи до одиннадцати лет). Длинное узкое помещение со столбами — опорами трибун, вдоль них — балетный станок. Я всегда старался занять место за столбом. У меня не получались махи через сторону, и я делал вид, будто столб мешает мне показать полный мах. Хореографию я не жаловал, куда интереснее мне казались занятия по ОФП — общефизической подготовке. Там сплошные игры

и эстафеты. Работали с нами Графские, брат и сестра. Он к тому же еще был начальником нашей спортшколы. Мне они казались чуть ли не пожилыми людьми, хотя на самом деле им было немногим больше тридцати. Два первых года я провел под присмотром Светланы Сергеевны (фамилии ее не помню). Потом я заболел, много пропустил, да и маме, наверное, надоело со мной таскаться. Вопрос, мужской или не мужской вид спорта фигурное катание, меня не волновал. Он возник позже.

После болезни я записался на гимнастику. Продержался там недолго: то ли не было данных, то ли не было железного характера маленького гимнаста — желания стать сильным, чтобы легко держать уголок. Я падал с брусьев, не хватало сил пройти по жердям на руках. На кольцах мечтал подтянуться, но не мог. Плакал, потому что стоял последним в ряду, как не имеющий никаких способностей. Я упорно продолжал ходить в секцию, хотя удовольствия от гимнастики не получал. Никакой ребенок терпеть унижение долго не станет.

Мама по-прежнему боялась двора, поэтому освободившееся от гимнастики время заняли бассейном. Я научился плавать, воды совсем не боялся, но плавал медленно. И через год, не знаю почему, мама опять привела меня на фигурное катание. Может, ею овладели честолюбивые мечты? Скорее всего, она увидела, что ни в гимнастическом зале, ни в бассейне у меня ничего не получается, а на льду я все же ловко катался и считался не последним.

Влияния двора, конечно, избежать не удалось, здесь я пристрастился к хоккею и футболу, терпел некоторые обиды, когда мальчишки дразнились: «Во дает, фигурным катанием занимается, ты девчонка, что ли?» И действительно, в группе из тридцати двух детей было всего лишь двое мальчишек. Теперь занимался я у Роберта Романовича Лалейта, считавшегося авторитетом в фигурном катании. Он судил всесоюзные соревнования. Для меня же он оказался человеком, открывшим двери в настоящий спорт. Роберт Романович ушел из ЦСКА, когда мне исполнилось двенадцать, говорили — из-за того, что ему мало выделяли времени на искусственном льду.

«Школу» у Лалейта мы постигали таким образом: он брал метлу, чертил ею на льду фигуры, например два круга, мы делали по ним парные тройки, пока их снег не занесет, и опять — метлу в руки. С одним оборотом я прыгал все

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru